

*Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой*

Мария
Метлицкая

Верный муж

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Метлицкая, Мария.

М54 Верный муж : сборник / Мария Метлицкая. – Москва : Эксмо, 2026. – 320 с.

ISBN 978-5-04-209605-1

Мы выбираем, нас выбирают... Счастье, когда чувства взаимны. А если нет?

История, которая легла в основу повести «Верный муж», открывающей эту книгу, реальна. На одной из многочисленных читательских встреч ко мне подошла женщина и вручила сверток с письмами. Я о них, признаться, забыла, а когда вспомнила и начала читать, не смогла оторваться.

В этих письмах было столько страсти, столько муки, столько радости... Я никогда не знала мужчину, который писал эти письма, не была знакома с женщиной, которой они адресованы. Но мне казалось, я слышу их голоса, вижу их лица. И прекрасно представляю, чувства своей героини, которая после смерти любимого мужа обнаружила их – чужие письма, где были те самые слова, которых она ждала всю жизнь...

Мария Метлицкая

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-209605-1

© Метлицкая М., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Верный муж

Теперь ее день начинался совсем по-другому. Не так, как прежде. Прежняя жизнь канула в Лету: и привычки, и распорядок, и планы — все поменялось и развернулось в другую сторону.

Все закончилось со смертью мужа. Началась новая жизнь. Каждый день Надя уговаривала себя, что и к этому привыкают. Да ко всему люди привыкают, что говорить! А уж сколько вдов в ее возрасте! Гораздо больше, чем вдовцов, — таковы реалии жизни, никуда не деться.

Со смерти мужа времени прошло совсем мало — всего-то полгода. Что это по сравнению с целой жизнью длиною в двадцать семь лет! Приятельницы, уже прошедшие нелегкий путь вдовства, утешали как могли и делились опытом. Одна предлагала вязать на спицах, другая — уехать к родне в другой город, третья — отправиться в путешествие по разным странам. Четвертая фанатично занялась здоровьем — бассейн три раза в неделю и какая-то новомодная аэробика.

Мария Метлицкая

Все это было не для нее. Вязание и всякое рукоделие ее только раздражали, родни в провинции не имелось вовсе, путешествовать было уж совсем неохота — все поездки были семейными, и представить себя одной на пароходе или на пляже было совсем нелепо и даже страшновато.

А уж про фитнес-центры — ну это вообще смешно! Спортсменка из нее...

Дочка Любочка жила в Португалии — муж-грек (вот как бывает) отправился туда в поисках лучшей доли. Кризис в Греции давал о себе знать, и у детей был сейчас тоже несладкий период — жили у брата мужа, работал один зять, дочка искала работу, но пока безуспешно.

Что оставалось в пенсионерской и одинокой отныне жизни? Да по сути — ничего. Готовку Надежда забросила — столько лет у плиты! Осточертело.

К подругам часто не поездишь — усталость, да и, потом, у всех свои дела и проблемы. Выходило, что в сухом остатке у нее книги, телевизор, походы в магазин и, пожалуй, все — как ни прискорбно.

Все лето она провела на даче, хотя с погодой не повезло — в июне беспрерывно лили дожди, в июле стояла невыносимая жара, а в августе опять зарядили дожди и стало холодно, да так, что печку приходилось топить ежедневно. А как только закончились дрова, она с облегчением и радостью закрыла ставни, убрала подушки и одеяла на

Верный муж

чердак, укрывла гортензию и розы лапником и поспешила в Москву.

В квартире тоже было не ахти — и сыро, и холодно. И тоже совсем одиноко. В комнату мужа Надежда не заходила. Пока не заходила. Ждала, пока чуть отпустит, хотя бы самую малость. Только приоткрывала дверь, пытаясь уловить хоть какой-то знакомый запах, но... Запахов не было. Запахи, даже самые стойкие, имели способность улетучиваться и испаряться. В отличие от человеческой боли, воспоминаний и переживаний.

Теперь она могла спать хоть до полудня и в первые месяцы так и делала — вставала в двенадцать, пила чай и снова ложилась. Потом взяла себя в руки. Пыталась хлопотать по дому. Да какие это были хлопоты! Смешно, ей-богу! После той ее жизни, где все было подчинено семье, мужу, заботам о его здоровье, особенно в последние годы, когда он уже тяжело и безнадежно болел. Да и раньше, до его болезни, расслабиться ей не удавалось — слишком требователен был Григорий Петрович, даже капризен. Впрочем, здесь и ее доля вины, да еще какая! Дочка говорила, что ее шея — отличный плацдарм, удобный и комфортный. Если уж кто присядет, обратно не стонишь точно.

Но здесь надо было учитывать особые обстоятельства ее жизни. А именно то, что она вышла замуж, да и за приличного, очень интересного внешне, обеспеченного и интеллигентного человека, и это было огромной удачей и везением. Ей

Мария Метлицкая

к тому времени исполнилось тридцать два года, и внешность у нее была совсем незначительная, плюс к тому — отчаянная бедность и отсутствие всяких надежд на какие-либо перемены.

Знакомство с Григорием Петровичем было дано свыше, не иначе, так как ее шансы были ничтожны. Она уже перестала мечтать не только о замужестве, но и просто о незначительных отношениях с мужчиной — она была согласна на роль любовницы или подруги, жилетки или плеча, но и их ей, увы, никто не предлагал. И даже мать, не терявшая надежду до последнего, перестала ходить в церковь (разумеется, потихоньку от дочки) и ставить свечки всем святым подряд.

Подруги все были давно при мужьях и при детях, самые отчаянные заводили интрижки на работе и курортах, горели в страстях, убивались в семейных хлопотах, меняли наряды и прически и больше всего боялись, что молодость исчезает, испаряется, и трагично отмечали, как неумолимо бежит время.

А Наденька Круглова была спокойна и рассудительна: так — значит, так. Не всем быть при муже. У всех своя судьба, ее, как известно, не обманешь и вокруг пальца не обведешь.

Обвела. Обвела судьбу тихая Наденька. Да еще как обвела! Вот уж дала она тогда повод для пересудов всем подружкам и соседкам! Было чем заняться. Все диву давались — Надька! Все тихой сапой! Скромная такая, мышка серая! Не про-

Верный муж

сто замуж — вот ведь в чем дело. Не из серии — на каждую гаденькую найдется свой плохонький. Где там! Мужа оторвала интересного, солидного, с положением. Зарплата, квартира, машина! Вот дела! И непьющий мужик, и вроде не гуляющий! Интеллигент, одно слово. Приличный человек. И завидовали Наде — как без этого — даже те, кто давно был «в семье» и с детишками. Что поделаешь — так человек устроен. А все потому, что у красавиц и умниц таких мужей не было. А у «этой Надьки»...

За что, спрашивается? За какие такие заслуги? А не за какие. Просто судьба.

А что у Нади на сердце, какие печали — это всем знать ни к чему.

А были печали, были! И слезы были, и бессонные ночи. Все было. Только никому-никому она об этом не рассказывала, потому что личное на то и личное, чтобы без посторонних глаз.

Нет! Все равно она считала, что счастлива! Бога не гневил — ни-ни! И муж порядочный, и дочку родила. И это почти в тридцать пять! Все успела. Муж слова грубого за всю жизнь не сказал, дурой не обозвал ни разу. И дочка удачная — всем бы таких детей! Болела не много, в школе успевала хорошо. Шляться не шлялась, по подъездам не терлась, не курила и на дискотеки не бегала. В восемнадцать замуж вышла за иностранца. И опять пересуды — дала Любашка! Всем нос утерла! А ведь не такая красавица — ничего примечательного! Таких миллионы. Укатила в Грецию.

Мария Метлицкая

Ну без гадостей не обошлось — дескать, бросила родителей в такую минуту! Отец почти не встает, мать буквально рвется.

А Любаша уехала. Не бросила их, а уехала, за мужем, потому что у нее теперь семья. А семья — это святое, так ее мать воспитала. И не забывала их, между прочим, звонила по три раза в неделю. Лекарства присылала отцу иногда.

Да, на похороны отца Любочка не приехала. Не потому, что денег пожалела, а потому, что Наденька дочь пожалела, кровиночку свою. Не написала, что отец скончался. Вернее, написала, но потом, после похорон. Знала, как у детей плохо с деньгами. И было ей наплевать на пересуды за спиной.

Семья — это государство. Свой король и свои подданные. Свои устои и свои законы. Хочешь — принимай и живи счастливо. Хочешь — бастуй и живи в немилости.

Королем в семье был муж, Гриша. А Наденька с Любашей — подданные. И что в этом плохого? Король отвечает за них, за подданных. Заботится и оберегает. Все решения принимает сам. И они с этим согласны. Так спокойнее, не правда ли?

Будущий муж, тогда еще жених, был предельно честен. Сказал сразу: «Примешь то, что я говорю, жить будем мирно и спокойно. Хорошо будем жить. Будешь возражать, ничего не выйдет — ни семьи, ни дома. Вот так. И это мой ультиматум».

Надя хотела. И приняла все, без уточнений и вопросов. Потому что из понятливых и еще по-

Верный муж

тому, что любила. Вот и объяснение. Все просто. Она даже не удивилась мужнинуму ультиматуму. Тихо сказала: «Хорошо. Я согласна». Не думала ни минуты.

А ультиматум был серьезный. Из нескольких пунктов. Во-первых, никаких гостей. Мой дом — моя крепость. И в гости тоже — ни-ни. Не любит он это. Сама — пожалуйста, бога ради. И в театры, и в кино — с мамой или с подружками. Он не изверг и не садист. Далее, влажная уборка каждый день — Григорий Петрович аллергик. Дальше — завтрак, обед и ужин. Как «Отче наш». С утра — овсянка. В обед суп и второе. Кисель (предпочтительней) или компот. Ужин легкий — здесь уж она сама разберется.

Спальни разные — так всем будет удобнее. Он привык читать за полночь, да и спит неважно — что ее беспокоить. Что ж, разумно. Обиделась про себя и ненадолго. Против логики и здравого смысла не погрешь.

Потом даже оценила. С возрастом, правда.

Отдыхать вместе — через год. Он любит уединение. По этой же причине в его комнату без стука не входить.

Обидно? Да ерунда, бросьте. Человек имеет право! К тому же надо понимать: он так привык. Столько лет прожил в одиночестве!

И это Надя приняла. Ну в конце концов — в чем здесь трагедия? Зарплату муж отдавал до копейки. В кино и к подружкам отпускал. Правда, к его приходу она должна была быть дома... А что тут тако-

Мария Метлицкая

го? Работа у него тяжелая, ответственная. Это не ее работа — курам на смех. Синекура, а не работа — пешочком да на полдня, в поликлинике районной статистиком. Прошлась по свежему воздуху, размялась. Не спеша, по липовой аллейке. Ни транспорта общественного, ни давки. На обратном пути — в булочную и молочную. Сказка, а не работа!

И тряпкой влажной полы и мебель протереть не грех и не тяжесть. А кашу овсяную сварить и кисель — тоже невелик труд.

Да и пылесос муж тут же купил импортный. И стиральную машинку.

И на курорт ездили по путевке. Никаких каморок и столовых — номер с видом на море, питание диетическое, виноград и персики на блюде. Свой пляж с лежаками. Райская жизнь!

Дочку муж любил. Ничего ей не жалел — ни игрушек, ни платьев, ни развлечений. В семь лет купил пианино, чтобы Любочка слух развивала.

На что жаловаться? Не на что, правильно. Только господа и судьбу каждый день благодарить за такого отца и мужа. И к маме ее, кстати, относился хорошо: ни слова грубого, ни взгляда. Денег на новый холодильник дал.

Все делал для семьи и все во благо. Упрекнуть человека не в чем! Не муж, а идеал всех женщин.

Да, все так. Все правда. Только вот слова «люблю» он Наде за всю жизнь ни разу не сказал. «Спасибо» — да, было. Особенно под конец жизни, когда болел.

Верный муж

А за что, собственно, «спасибо»? За то, что ухаживала? Честно исполняла свой долг?

Ну тогда она ему каждый день должна была кланяться. Поклоны бить.

А разве он требовал? Никогда себя не хвалил и ее не попрекал.

Сложный человек, понятно. А кто простой? Вот покажите!

Да нет, не показывайте! Потому что ей неинтересно, как и кто там живет.

У нее есть семья! Государство! Ее, личное. Ее и его. И они в нем сами разберутся. Не сомневайтесь.

А про то, что «люблю» не говорил...

Так он однажды сказал: «Человек определяется не словами, а делами. У тебя есть претензии?»

Нет. Претензий у нее не было.

А вот было ли счастье? Вопрос.

* * *

Интересное дело — судьба. И на танцы ведь молодая ходила, и в кинишко, и на каток с подружками. Позже — в компании разные. С мамой ездила на курорт. И ничего! Ни одного серьезного романа! Так, пара-тройка незначительных свиданий.

А тут поехала к тетке на Сретенку, села на бульваре передохнуть. Рядом мужчина — солидный, интересный. Газету читает. Она взгляд мельком кинула и отвернулась. Доела мороженое, передо-

Мария Метлицкая

хнула и встала со скамейки. А он газету отложил и спрашивает: «Горопитесь?»»

Она от неожиданности головой мотнула и снова на скамейку плюхнулась.

Так и познакомились. Прошлись по Сретенскому, потом до самой Сухаревки дошли. Как — за разговорами и не заметили.

Назавтра снова встретились. Опять гуляли. Осень тогда стояла сказочная! Октябрь, а тепло, как летом.

Гуляли три недели. А потом Григорий Петрович предложил Наденьке выйти за него замуж.

Она почему-то расплакалась и сразу кивнула.

А ночь не спала и думала, что назавтра он рассмеется и скажет, что пошутил.

Не сказал. И через два месяца сыграли свадьбу.

* * *

Что она знала о своем муже? А ничего. Сразу поняла: спрашивать не надо. И не в том дело, что Надя Круглова, в замужестве Панкратова, была шибко умной или шибко опытной — какой у нее опыт, смешно! А потому, что чуйка у нее была, природное такое свойство: не лезть в чужую душу, не интересоваться подробностями, не стремиться узнать того, о чем ей не пожелали рассказать. Нелюбопытной была Надя — наверное, так. И еще — стеснительной. Конечно, понимала: муж Гриша достался ей человеком сложившимся, взрослым. К тому же красавец, что

Верный муж

говорить. Понятно, что баб у него было в избытке. А вот от подробностей увольте. Не ее это дело. Важно, что есть сейчас. А про прошлое бог с ним. Как говорила мама, меньше знаешь, крепче спишь.

Правда, одна Гришина родственница, Лена-беленькая, препротивная, надо сказать, особа, сплетница и интриганка отъявленная, за которой водился грешок людей, как собак, стравливать, поймала ее в коридоре, завела в темный угол и попыталась «рассказать все, как оно действительно было». Надя, совсем молодая жена, болтливую родственницу остановила резко, что в принципе ей было не свойственно:

— Не интересно нисколько, не тратьте зря времени!

Ленка эта аж кипящей слюной подавилась:

— Как это так? Про баб его не интересно? Такие были темы! — И она в блаженстве закатила глаза.

— Ни капли не интересно! — подтвердила Надя и, решительно отодвинув Лену, пошла прочь.

Та так и осталась с открытым ртом, да еще и обиделась — пару лет трындела, что жена у Гришки неполноценная. Дура прям какая-то. Хорошая пара: он, придурок спесивый, и она, недоделанная.

Потом Надежда поняла, почему Гриша к этим «родственничкам» ни ногой. Ни на праздники, ни на дни рождения. Только если похороны — здесь не отбрешешься.

Мария Метлицкая

Жили хорошо — ни ругани, ни скандалов. Мужа Надя уважала, ценила и... побаивалась немного, совсем чуть-чуть. Особенно когда он брови хмурил и покрывал недовольно — была у него такая привычка. Отцом Григорий Петрович был для Любаши справедливым — ни разу на нее просто так не сорвался, не заорал, как это часто у мужиков бывает, когда устали или настроения нет. Правда, и не занимался с ней никогда — в игрушки не играл, книжек не читал. А что тут такого? Все мужики такие. Ну или почти все. Все женщины на мужей жаловались. Только не Надя. Никогда — даже матери родной, не говоря о подружках, слова дурного о муже не сказала. Ни разу! Да и говорить было особенно нечего.

А что неласковый — так это характер такой, куда деваться!

Иногда, когда ехали в машине и радио слушали, а там какая-нибудь песня про любовь, «Опустела без тебя земля» например, у Нади от волнения в горле перехватывало. Бросала она взгляд на мужа и мечтала, что посмотрит он сейчас на нее нежно, возьмет за руку и чуть сожмет ее пальцы.

И им обоим станет понятно, что они друг для друга значат. Можно и без слов — и так понятно, даже если просто взгляд и ладонь в ладонь.

Нет. Не было этого. Взгляд ее он чувствовал, а вот головы не поворачивал. Только брови хмурил и губы поджимал — сразу видно, что раздражался.

Верный муж

Надя вздыхала и смотрела на дорогу — так, значит, так. Несентиментальный человек — вот что это значит. И больше ничего.

А то, что называется интимная жизнь, с Наденькиным-то опытом... Откуда ей было знать, как и что в этой самой интимной жизни бывает! И с подружками на эту щекотливую тему она, разумеется, не разговаривала. А с мамой — тем паче.

Правда, когда видела в метро или в театре, как мужчина держит спутницу за руку, или поправляет ей воротничок на платье, или просто смотрит на нее, екало в сердце, ныло как-то тревожно.

Не было у нее ничего подобного. Ни разу в жизни не было. Обидно, а что делать? Было чем себя утешить — такого мужа, как у нее, еще поискать: верного, порядочного, непьющего. Сколько бы ей позавидовало женщин! А она разнюнивается, сопли распускает. Корила себя, стыдила.

Мама однажды спросила:

— Любишь его, Наденька?

А она споткнулась на ответе, задумалась. Минуту всего, а мама вздохнула, да так тяжело...

И тихо сказала:

— А я так и думала.

Надя тотчас спохватилась и даже на маму накричала.

— Думала? О чем таком ты думала, позволь спросить? Нет, давай уточним! — горячилась она.

Тихая мама обиделась и всплакнула.

Мария Метлицкая

А Наденька на нее еще долго злилась, почти целый месяц.

А потом подумала: не на себя ли она злится? А может, на Гришу? Или вообще — на жизнь?

Еще Надя наблюдала потихоньку за мужем — реагирует ли он на красивых женщин? Нет, ничего похожего. Можно спать спокойно. Головой, как петух, вслед красавицам не крутит, взгляды исподтишка не бросает, на пляже стройных красоток не отслеживает.

А однажды в санатории в Хосте за их столиком в столовой оказалась одна такая активная дамочка, полковничья жена Виолетта Семеновна. Стройная не по годам, талия, грудь — ну Мэрилин Монро просто. Бабетта в полметра на голове, стрелки до ушей, помада фиолетовая. Видно за версту — полковая Мессалина. К вниманию привыкла, как солдат к побудке.

В столовую заходит лебедью белой — плывет между столиками, как танцовщицы из «Березки». Духами разит за версту. Вот так соседка досталась — даже сердце у Наденьки тоскливо заныло.

И глазами эта Виолетта шьет, как машинка «Зингер», и смехом хрустальным заливается:

— Григорий Петрович, ах, салатик передайте, если, конечно, не трудно! Хлебушка белого пару кусочков, будьте добреньки! Мне, знаете ли, что черный хлеб, что белый... Без разницы! С моей-то конституцией!

Верный муж

Обращается только к Грише, Нади за столом вроде как и нет.

И все балаболит, балаболит без остановки — и про погоду, и про персонал, и про танцы ежевечерние. А Гриша только лоб морщит. И еще губы кривит. Видно, что осточертела ему эта мадам — дальше некуда. Даже за соседний стол хотел пересесть. Надежда остановила — сказала, неприлично. Слишком явно как-то.

Так и мучился весь срок, гримасы корчил. Торопился поскорее поесть и из столовой убежать.

Потом до этой Виолетты дошло — обиделась даже.

— Нелюбезный вы какой-то, Григорий Петрович! Не умеете с дамами обращаться! И как жена ваша вас такого терпит!

Гриша руками развел:

— Ну уж какой есть! Простите великодушно!

А Наденька даже рот открыла, чтобы эту хамку осадить, да не успела — муж ее за руку взял и быстренько из столовой увел.

Впрочем, кукла эта пустая, Виолетта, не показатель. Была еще у Наденьки в молодости подруга, Тая Стукалина. Вот уж где имелись красота природная и ум — два в одном. Таечка эта была похожа на молодую Марину Влади — белые волосы по плечам, высокие скулы.

Молчаливая, тихая, а видно, что в глазах огонь. О такую опалиться — раз плюнуть: так хороша и непонятна как-то. Что у нее на сердце, какие страсти?

Мария Метлицкая

Таечка поэзией увлекалась — Ахматовой, Блоком. Стихи читала тихо, вполголоса, а пробирало до основания, до слез. Да и сама писала стихи — очень неплохие, кстати, стихи.

Гриша тоже слушал. А потом встал и сказал:

— Спасибо. Хорошо читаете. А сейчас — извините, дела. — И ушел к себе в комнату.

Однажды даже Ленка-беленькая на очередных поминках многочисленной Гришиной родни Наде шепнула:

— А у Гришки твоего, часом, все ли в порядке по мужской части? Или вывеска одна?

— Это, видно, у тебя не все в порядке, — грубо ответила негрубая Надя. — Ты ведь без мужа, кажется, лет пять уже? Или больше? — ехидно уточнила она.

Ленка дернулась и побледнела.

— Оперилась пташка, дерзкая стала, — прошипела она и больше к Наде не подходила.

Впрочем, были пару раз у Нади сомнения, были. Именно сомнения — не подозрения. Уже хорошо.

Уезжал иногда муж Гриша. Уезжал внезапно и резко. Она уже ужин подогревала и на часы поглядывала, а он ей из автомата звонил с вокзала — слышно голос диктора, что время прибытий и отправлений объявляет. Муж коротко так бросал:

— Мне надо уехать, Надежда. По срочным делам. Дня на три или на два — как выйдет. Срочная командировка.